

П.И.РЯБЕНИН В РАБОТЕ НАД "СОВЕТСКИМИ" БЫЛИНАМИ

(Новые материалы)

В начале 1995 г. в Государственном центре русского фольклора вышла книга "Фольклор России в документах советского периода, 1933–1941 гг.", где представлены стенограммы конференций и совещаний по фольклору, которые рассказывают, как фальсифицировалось народное творчество, как ломались судьбы видных ученых, талантливых сказителей. К сожалению, чаще других в стенограммах встречается имя Ю.М.Соколова – замечательного ученого, создавшего целую школу собирателей фольклора, много сделавшего для пропаганды и издания подлинных произведений традиционного творчества. Неоднократно упоминаются имена В.И.Чичерова, А.М.Астаховой, Н.Д.Комовской и др., внесших значительный вклад в изучение фольклора.

Может быть, и не имело бы смысла ворошить прошлое, если бы мы не улавливали некоторые фальшивые звуки в настоящем, опасные реанимации уже отвергнутых опытом попыток "руководить" народным творчеством, навязывая народу, естественно, не то, что навязывалось в тридцатых, но тем не менее "руководить".

Тогда такое "руководство" имело под собой теоретическую базу, разработанную Ю.М.Соколовым. В 1931 г. в Москве и Ленинграде проходили дискуссии на тему: "Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период". Сама постановка проблемы, как видим, была связана с текущей политикой ВКП(б). В Москве на пленуме литературного сектора Государственной академии искусств (ГАИС) 22 июня 1931 г. с докладом выступил Соколов. В нем он поставил знак равенства между литературой и фольклором (в дальнейшем эта установка нашла отражение и в его учебнике¹). В докладе на пленуме отмечалось:

---

¹ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941. С. 6.

"Актуальнейшие задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора – те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы"², а именно: "необходимо, чтобы в устном творчестве пролетарское сознание подчинило себе стихийный процесс". Всякое возражение против искусственного вмешательства в народное творчество объявлялось "буржуазным", "народническим", "романтическим", "идеалистическим". Докладчик заявлял далее: "Необходима организованная, планомерная борьба с пережитками старых реакционных идеологий в устном творчестве", "с кулацкой агитацией в фольклоре, сказывающейся нередко чрезвычайно ярко". Он предполагал вести борьбу "средствами самого фольклора, противопоставлением пролетарских песен – песням кулацким"³. Соколов рассчитывал на культуртрегерские методы, вероятно, не предвидя, что "в помощь" ему подключится мощный аппарат ГПУ и НКВД.

В выступлении подчеркивалось, что для выполнения поставленных задач необходимо "регулярное собрание и изучение фольклора в массовом масштабе". Хочется думать, что этот тезис был для ученого важнейшим – широко развернуть собрание подлинного народного творчества. Но именно здесь он услышал сверху окрик. Н.Ф.Бельчиков, ответственный партийный товарищ, из тех, кто был призван руководить и направлять, в своем выступлении на той же дискуссии увидел именно в этом тезисе отход "на привычные позиции для фольклористов – позиции консервирования, сохранения старого фольклора". А партия в его лице требовала принять участие "в организации создающегося фольклора, связанного с социалистическим переустройством деревни, с выполнением пятилетки"⁴. Бельчикова не устраивало, что докладчик "только разрешает (правда, в положительном смысле) вопрос о вмешательстве фольклористов в процесс создания фольклора"⁵. В пример ставилась советская литература, где уже "с год отзвучала дискуссия, разрушавшая предпосылки, ведущие к ошибочной, пассивной политике в этом деле"⁶. Фольклористам оставалось только "учесть готовые методологические материалы и ими воспользоваться в работе"⁷. Так тезис о том, что фольклор – это отдел литературы, превращался в теоретическое оправдание активного вмешательства в стихийное народное творчество.

---

² Далее приводятся выдержки из статьи: Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. М., 1931. № 5. С. 91–96.

³ Дискуссия о значении... С. 101.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

История показала, что нельзя "руководить" и литературой. Недаром главными свидетелями той мрачной эпохи для потомков останутся самые "неуправляемые": Ахматова, Зощенко, Булгаков, Пастернак, Платонов. Но литература все-таки поддается воздействию в том смысле, что писателя можно не печатать, и тогда создается видимость идеологического благополучия. В этом отношении положение устного слова совсем иное. Фольклор и литература – это палка о двух концах, они как бы расположены на одной оси, но в разных сторонах. Поэтому если гнет и пресс, "завинчивание гаек", жесткая цензура заставляют литературу "опускаться вниз", то другой конец оси неуклонно поднимается "вверх". Созданный запрещением и гонениями литературы вакуум моментально заполняется фольклором. Попытки заставить замолчать устное слово всегда оканчивались провалом: за антисоветские, "контрреволюционные", "клеветнические" частушки и анекдоты, пословицы и поговорки преследовали и арестовывали, но никогда их не было так много, как в годы коммунистического правления. Поэтому партия и пыталась создать в противовес существующему, подлинному свой, "советский", "высокоидейный" фольклор.

Сборник документов показывает, как фольклористы "активно" включились в работу, в процесс "создания" фольклора, как люди присваивали себе право объявлять одно "народным", а другое – "антинародным", не стесняясь говорить от имени всего народа, подменив его интересы, взгляды и чувства своими, "партийными".

5 декабря 1936 г. в СССР была принята так называемая "сталинская" конституция, провозгласившая победу социализма. В те времена очень много говорилось о "морально-политическом единстве всего советского общества", якобы приведшем к "небывалому" подъему культуры вообще и народного творчества в частности. Руководимый коммунистической партией фольклор, естественно, обязан был отразить произошедшие сдвиги. В связи с этим собирались совещания, конференции, семинары сказителей, певцов и сказочников, где им внушалось, что наиболее ценной является та поэзия, которая откликается на современность и говорит о вождях и "колхозных достижениях". С начала 1937 г. в газетах и журналах, а затем в фольклорных сборниках сплошным потоком пошли сказки, песни и былины, воспевающие "счастливую жизнь", "вдохновителя всех побед" – коммунистическую партию и, в первую очередь, ее вождей Ленина и Сталина. Люди, их сочинявшие, как правило, были знатоками сказок и песен и в своих новелах пытались использовать элементы традиционной поэтики, создавая более или менее удовлетворительные стилизации, подделки под произведения фольклора. Им помогали профессиональные поэты, писатели и фольклористы.

В этот процесс попал и Петр Иванович Рябинин-Андреев (1904–1953). В детстве он слушал пение деда Ивана Трофимовича, и первой

пропетою им былиной была былина "Вольга и Микула", исполненная им в шесть лет. В двадцатые годы он выступал перед большими аудиториями в Петрозаводске, Ленинграде, Москве. Рябинин-Андреев был несомненно творческим человеком, талантливым певцом, бережно сохранявшим традиции своей семьи. Он отлично владел эпической обрядностью и соблюдал ее. Используемые им постоянные былевые образы и картины всегда в меру развернуты и монументальны. От него были записаны "Вольга и Микула", "Илья Муромец и Соловей-Разбойник", "Илья в ссоре с князем Владимиром", "Бой Добрыни со змеем", "Добрыня в отъезде", "Ставр", "Королевичи из Крякова", "Смерть Чурилы" и некоторые другие былины-баллады.

В тех случаях, когда материал близко касался его души, Петр Иванович мог быть и замечательным импровизатором, сочетая свое индивидуальное творчество с вековыми формулами фольклорной поэтики, наработанными многими поколениями певцов. Так, когда в боях с белофиннами погиб его брат Александр, Петр создал замечательный "Плач о брате".

Жанр похоронного причитания остается живой ветвью русского народного творчества до сих пор и продолжает бытовать в наших деревнях. В "Плаче о брате" у Рябинина-Андреева постоянные эпитеты: "работушка тяжелая", "весть нерадостная", "братец милый", "братец родимый" воспринимаются как глубоко личное. А конкретное описание смерти любимого брата поднимается до высот подлинного трагизма:

Как любимого да брата Саши милого
Во снегу глубоком тело рухнуло,
Преклонилось от удара до сырой земли,
Ясны очи его да не закрытые,
Руки-ноги его как попало поразброшены,
На головушке на буйной шлем не держится⁸.

Но от Рябинина-Андреева ждали "современных" былин, и он создает эпические произведения о Сталине, Ворошилове, Чапаеве, Антикайнене. В помощь ему была откомандирована М.И.Кострова. Среди документов приводятся материалы об их совместной работе над былиной о Чапаеве. В 1940 г. во Всесоюзном доме народного творчества на совещании по вопросам творческой помощи сказителям фольклористка делилась своим опытом. Она взялась за дело добросовестно и усердно. Главной своей задачей, вероятно, Кострова считала снабдить сказителя как можно большим материалом о Чапаеве. Она достала ему роман

---

⁸ Рябинин-Андреев П.И. Плач о брате, павшем в боях с белофиннами // На рубеже. 1940. № 4. С. 40.

Фурманова "Чапаев", подобрала брошюры и альбомы об этом герое гражданской войны, сводила в Музей Красной Армии. Фильм "Чапаев" был неоднократно просмотрен Петром Ивановичем еще раньше. В результате такого натаскивания возникло произведение, где постоянные былинные формулы соседствуют с современным материалом. Так, обучение Чапаева передается известными словами:

Захотелся Чапаю много мудростей:
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.

Но если Вольге эти умения дали возможность завоевать Индийское царство, то Чапаеву они не потребовались, так как здесь война другая: "Пошла пальба да тут по всем фронтам...".

Прочитанные книги и брошюры заставили ввести в былинку Фрунзе и Сталина, которые на развитие эпического действия в произведении не оказывают никакого влияния, но они были необходимы, чтобы отразить "роль коммунистической партии". Назначив Чапаева "атаманушкой над армией великой", Фрунзе едет в Царицын:

Прямо едет к штабу на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны.
На ходу он двери поразмахивал,
А он низко всем да поклоняется,
Да товарищу Сталину в особину...
Сталин говорит ему "таковы слова":
Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич:
Как поехали с Москвы мы белокаменной,
На поезде Ленин нам наказывал...
Постоять велел за правду за отечество...

Конечно, дело не в том, что Кострова работала со сказителем "не правильно", "не так". Подлинного высокохудожественного произведения, какими являются старинные былины, не могло возникнуть ни при каких условиях, потому что, как писал В.В.Маяковский, "прошли былинные" времена, и повернуть историю вспять никому не удавалось. Об этом вскоре вспомнили, но пока, в конце тридцатых и начале сороковых, былины Рябинина-Андреева пользовались большим успехом. В частности, былинку о Чапаеве неоднократно перепечатывали журналы, газеты и сборники, сказитель пел ее и в Петрозаводске, и в Ленинграде, и в Москве. Как он сам говорил, ее все "одобряли". Самого же сказителя наградили орденом "Знак Почета".

Среди всеобщего одобрения недоволен был только сам Петр Иванович: "Я сам чувствую, что это еще не то..."⁹. Талант и творческое чутье, заложенные в нем, заставили самого певца услышать фальшь в его былинах-новинах.

В послевоенное время интерес к новодельным произведениям Крюковой, Рябинина-Андреева и др. ослабевает. Начинают раздаваться голоса о "чертах стилизаторства" в них, что так называемые "новины" вообще "внефольклорные произведения", вспомнили, что "нельзя наливать молодое вино в старые меха" и т. д. Все это было правильно. Но о конкретных людях, вчера возвеличенных, и о их судьбах забыли.

Знавшие Петра Ивановича в последние годы его жизни рассказывают о том, что "у него изменился характер. В лице появились желчные складки, глаза стали недобрыми, колючими, в них появилось недоверие, подозрительность"¹⁰.

Умер П.И.Рябинин-Андреев молодым – сорока девяти лет от роду, в 1953 году.

---

⁹ Анов Н. Слагатель былин // Народное творчество. 1938. № 9. С. 50.

¹⁰ Стронк Г. Встречи с натурой // Север. 1971. № 9. С. 66.